

Иона Орлеанский

**О КОРОЛЕВСКИХ ОБЯЗАННОСТЯХ /
ПЕР. С ЛАТ., ВСТ. СТ. И ПРИМЕЧ.
И. И. АНИКЬЕВА. СПБ.: ЕВРАЗИЯ,
2020. 224 С. ISBN: 978-5-8071-0443-4**

УДК 82-95 (94(36))
DOI: 10.31802/BCA.2022.16.4.011

В числе периодов западноевропейской средневековой истории эпоха Каролингов традиционно привлекает повышенное внимание отечественных исследователей. Если ограничиться только прошедшей четвертью века, то можно назвать примерно с десяток вышедших в России серьёзных исследований, посвящённых времени правления Карла Великого и его ближайших преемников¹, а также переводов текстов, написанных в те далёкие времена². Таким образом, появление в петербургском издательстве «Евразия» трактата епископа Орлеанского Ионы (ум. 843/844 гг.) «О королевских обязанностях» в переводе И. И. Аникьева — событие вполне ожидаемое, хотя от этого и не менее значимое.

Имя Ионы не столь известно отечественному читателю в отличие от имён Алкуина, Петра Пизанского, Павлина Аквилейского, Павла Диакона, Эйнхарда, с которыми чаще всего ассоциируется культурный подъём времён Карла Великого. Иона провёл юность при дворе Карла, где стал заметной фигурой интеллектуального окружения монарха, и принадлежал к тем духовным лицам, пик карьеры которых пришёлся на время правления Людовика Благочестивого. И в этом отношении рецензируемая книга играет важную просветительскую роль, знакомя широкий круг читателей с ещё одним интеллектуалом, вхо-

- 1 Карл Великий: реалии и мифы / отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2001; *Ненарокова М. Р.* Каролингская эклога: теория и история жанра. М., 2012; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006; *Сидоров А. И.* Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII–X вв.). СПб., 2015; *Сидоров А. И.* В ожидании Апокалипсиса: франкское общество в эпоху Каролингов (VIII–X века). СПб., 2018.
- 2 *Историки эпохи Каролингов* / отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999; *Рихер Реймский.* История / пер. с лат., коммент., статья А. В. Тарасовой. М., 1997; *Теган.* Деяния императора Людовика / пер. с лат., коммент., статья А. И. Сидорова. СПб., 2003.

дившим в окружение франкских королей. Иона участвовал в формировании каролингского мира при Карле Великом и Людовике Благочестивом и стал свидетелем его кризиса, который разразился в 831 г. и вылился в вооружённое противостояние императора с коронованными сыновьями. Собственно, публикуемый трактат явился, с одной стороны, своеобразной реакцией орлеанского епископа на происходившие в королевстве франков драматические события и напоминанием о королевском долге Пипину, одному из сыновей Людовика, с другой же стороны, продолжением многолетнего поиска тех принципов, на основании которых должно функционировать христианское общество, возглавляемое благочестивым монархом.

Важно понимать, что Иона являлся ключевой фигурой в политике императора Людовика, направленной на разработку христианских моделей поведения для различных социальных групп империи Каролингов, и мирян и клириков, и внёс определяющий вклад «в оформление моральной и нормативной архитектуры каролингского общества как посредством своих трудов, так и через участие в церковных Соборах»³. Отрывки из его работ легли в основу актов тех Соборов, на которых он присутствовал, а порой и председательствовал, и поэтому стали нормативными для империи. Также важно помнить, что трактат создавался в то время, когда многие представители интеллектуальной элиты оказались обеспокоены тем, что практически все люди в государстве (от короля до монаха) либо пренебрегали исполнением своих обязанностей, либо исполняли их в недостаточной мере⁴. Таким образом, сочинение Ионы можно воспринимать не только как увещевание, но и напоминание королю по поводу фундаментальных принципов, которые должны лежать в основе функционирования *всего* общества, призваны обеспечить его устойчивость и в конечном счёте пройти путь к спасению.

Публикация перевода открывается вступительной статьёй (с. 5–103), в которой, как требует того жанр, представлен жизненный путь Ионы Орлеанского, насколько его можно было реконструировать (с. 7–21), основные сочинения Ионы, к числу которых автор решил отнести лишь три (с. 21–31), особо проанализировав из них трак-

3 Veronese F. *Jonas of Orléans* // *Great Christian Jurists and Legal Collections in the First Millennium* / ed. P. Reynolds. Cambridge. 2019. P. 413.

4 Jong M. de. *The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious 814–840*. Cambridge. 2009. P. 177–182.

тат «О королевских обязанностях», историю его создания, публикации и рукописную традицию (с. 32–46).

Наибольший интерес, конечно, должна вызывать та часть статьи, где обсуждается политическая мысль Ионы, нашедшая отражение в публикуемом сочинении (с. 47–102). Автор справедливо утверждает, что политическая мысль в эпоху раннего Средневековья «неизбежно облекалась в форму богословской теории», а мысль Ионы об общественном устройстве предстаёт в форме экклесиологии (с. 47). Но более важным представляется тот факт, что сама империя Каролингов изначально формировалась как экклесия и воспринималась современниками как экклесия. Расширение границ государства, произошедшее во времена Карла Великого, по сути, превратило понятия «франкский мир» и «Церковь» в синонимы для христиан латинского Запада⁵, поэтому очевидно, что границы между политической мыслью и экклесиологией во времена Каролингов размывались, что видно также в сочинении Ионы и признаётся автором вступительной статьи (с. 56).

Для того чтобы определить своеобразие учения Ионы о Церкви, И. И. Аникьев справедливо сосредоточивает внимание на предшествующей орлеанскому епископу святоотеческой традиции (с. 47 и далее). Это важно не только для поиска источников, повлиявших на воззрения Ионы, как думает автор (с. 47). Необходимо помнить, что ещё со второй половины VIII в., а именно с правления Пипина Короткого, франкская Церковь стремилась к своему обновлению, путь к которому виделся через воссоздание древнего идеала, зафиксированного в трудах великих Отцов⁶. Поэтому аллюзии на сочинения отцов и учителей Церкви в произведении Ионы являются не просто свидетельством его зависимости от традиции, а прежде всего «кирпичами» того фундамента, на котором шло возведение новой политической архитектуры.

При этом, конечно, вызывает некоторое удивление, что вся предшествующая Ионе Орлеанскому святоотеческая традиция сводится исследователем к двум фигурам: блж. Августину, автору «О граде Божием» (с. 48–49), что вполне ожидаемо с учётом общего влияния этого труда Гиппонского епископа на всю средневековую мысль и постоянные

5 Garrison M. The Franks as the New Israel? Education for an Identity from Pippin to Charlemagne // *The Uses of the Past in the Early Middle Ages* / ed. Y. Hen and M. Innes. Cambridge. 2000. P. 114–161.

6 Otten W. The Texture of Tradition: The Role of the Church Fathers in Carolingian Theology // *The Reception of the Church Fathers in the West: From the Carolingians to the Maurists* / ed. I. Backus. Leiden. 1997. Vol. 1. P. 3–50.

упоминания его в сочинении Ионы; и папе Геласию I, у которого искажённая цитата из письма к императору Анастасию стала важнейшим элементом переосмысления баланса между королевской и епископской властями (с. 50–54). К тому же само погружение в идеи Августина ограничивается, как правило, общими замечаниями и практически лишено обращения к современной историографии. Вместе с тем хотелось напомнить, что на сегодняшний день убедительно доказано влияние на каролингскую мысль вообще и на Иону Орлеанского в частности со стороны таких идеологов аскетизма, как прп. Иоанн Кассиан Римлянин и Юлиан Померий. По словам Дж. Тиммерманна, «Ионе удалось органично вплести кассиановскую концепцию исцеления пороков в трактат об идеальном королевском руководстве, который прекрасно вписывался в бенедиктинскую модель управления, созданную при Людовике Благочестивом»⁷. Таким образом, интеллектуальный контекст, в котором были сформированы представления Ионы о власти, может быть значительно расширен.

Основное отличие взглядов Ионы от воззрений Августина и Геласия, по мнению И. И. Аникьева, состоит в том, что епископ Орлеанский не ставит власть государя ни вне Церкви, ни над нею, «она внутри Церкви как сообщества», и такая позиция, продолжает исследователь, не только превращает Каролингскую монархию в собственно христианскую Церковь, но и несёт в себе зёрна теории «двух мечей», обоснования светской власти Церкви (с. 56–57). Впрочем, по статье трудно определить, насколько авторские выводы созвучны тем оценкам, которые бытуют в современной науке, исследователь не показывает ни своих единомышленников среди зарубежных учёных, ни оппонентов своей позиции. Мы же, со своей стороны, хотим обратить внимание на то, что в науке, с одной стороны, высказывается мнение о том, что теория «двух мечей», корни которой обнаруживаются в письме папы Геласия к императору Анастасию, достаточно определённо заявлена у Алкуина и с особой энергией разрабатывается при Людовике Благочестивом, «когда каролингское духовенство стремилось пересмотреть отношения между императором и церковной элитой», когда духовенство стало считать себя не только вправе, но и обязанным контролировать деятельность монарха⁸. С другой же стороны, звучит

7 Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian Audience // *A Journal of Medieval and Renaissance Studies*. 2014. Vol. 45. P. 34.

8 Menache S. The Gelasian Theory from a communication perspective: development and decline // *Edad Media. Revista de Historia*. 2012. Vol. 13. P. 61–62.

убеждённости в том, что цитата из письма папы Геласия в постановлениях Парижского Собора 829 года и у Ионы, вовсе не свидетельствует о желании духовенства подорвать позиции Людовика, подчинив его власть князьям Церкви⁹. Вообще, надо признать, что вступительной статье явно недостает историографического контекста. Выводы, сделанные исследователем на основе текстов Ионы Орлеанского и его предшественников, звучали бы более убедительно, стань они частью научной дискуссии.

Кроме нового понимания Церкви как всего каролингского мира, в статье анализируются представления Ионы о делении общества на три чина: монашествующих, клириков и мирян (с. 60–69), каждый из которых несёт на себе определённый круг обязанностей. Первым и наиболее важным чином, как видно из текста сочинения Ионы и подчёркивается исследователем, является чин клириков, говоря о которых Иона рассуждает прежде всего о епископах, чья власть и авторитет основаны на долге «указывать всему христианскому народу верный путь к спасению» (с. 74). Епископат, по мнению Ионы, не только наделён правом и обязанностью давать наставления и советы, в том числе для светской власти, но и высшей судебной властью, позволяющей ей вмешиваться не только словом, но и делом в мирские вопросы (с. 79).

Рассуждая о месте короля в картине мира Ионы Орлеанского, И. И. Аникьев подчёркивает разрыв представлений Ионы о государе с экклесиологией времён Карла Великого, показывая, как король, ещё недавно понимаемый в качестве «царя и священника», превратился во «всего лишь человека» (с. 85). Так место монарха оценивал блж. Августин, а Иона дополнил это понимание тем, что именно от нравственности короля зависит не только социальный, но и космический порядок (с. 87). Не последнюю роль в доказательстве этого положения играет у Ионы цитата из ирландского сочинения «О двенадцати мирских злоупотреблениях», при этом крайне важно понимать, что каролингские читатели, как и орлеанский епископ, были убеждены, что процитированный пассаж о нечестивом короле (*rex iniquus*) был написан свт. Киприаном Карфегенским, чей авторитет был непререкаем в каролингском обществе IX в. Но я бы обратил внимание ещё на одно обстоятельство. Эта цитата не только рисует картину социальных бедствий и природных катаклизмов, происходящих при дурном короле, но и формирует образ королевской власти, неотъемлемой ча-

9 Jong M. *de. The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious 814–840*. Cambridge. 2009. P. 177.

стью которого оказывается постоянное покаяние монарха, смиренное исповедание им грехов¹⁰. В целом же король выступает у Ионы верным сыном Церкви, обязанным ей своим положением и властью, которая зиждется не на помазании или какой-то особой сакральности, а прежде всего на моральном превосходстве (с. 97).

В завершении своей статьи И. И. Аникьев очень коротко останавливается на определении Ионой Орлеанским места королевских подданных в обществе. Как явствует из рассуждений Ионы, знать должна подражать королю, воспроизводя его функции в миниатюре (с. 99), то есть должна управлять и вершить суд, а все подданные в королевстве «со смирением и верностью подчиняться королевской власти» (с. 100). Общим же из анализа произведения Ионы Орлеанского становится для исследователя вывод о том, что перед нами открывается «взгляд на общество с точки зрения епископата, приобретающего всё большее могущество и стремящегося обосновать своё центральное положение в обществе» (с. 102).

Весьма ценным представляется, что рецензируемое издание включает не только перевод «О королевских обязанностях», но и «Историю перенесения мощей святого Губерта» (с. 191–198), знакомство с которой позволяет более полно представить Иону Орлеанского как писателя и его взгляд на идеального государя и епископа.

Знакомство с переводами обоих сочинений убеждает нас в том, что они подготовлены вполне грамотно и русский текст в целом адекватно передаёт мысль средневекового автора, но тем не менее явно не хватает параллельного латинского текста, чтобы снять возникающие вопросы и разрешить сомнения. Тем более что при сравнении перевода с латинской версией, опубликованной в 106 томе «Патрологии» Миня, порой обнаруживаются существенные разночтения, вызванные, очевидно, тем обстоятельством, что французский издатель А. Дюбрёк, трудами которого пользуется переводчик, предлагает новую редакцию текста, сверенную по наиболее авторитетным рукописям.

Подводя итог рецензии, необходимо вновь сказать, что появление в русском переводе ещё одного текста каролингской эпохи является важным событием как для научной, так и широкой читательской общественности. Остаётся надеяться, что со временем увидят свет в переводе на русский язык и прочие труды Ионы Орлеанского, а также сочинения его многочисленных современников.

10 Jong M. de. *The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious 814–840*. P. 175.

Библиография

- Карл Великий: реалии и мифы / отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: ИВИ РАН, 2001.
- Ненарокова М.Р. Каролингская эклога: теория и история жанра. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
- Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов (VIII–X века). СПб.: Наука, 2018.
- Сидоров А.И. Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII–X вв.). СПб.: Гуманитарная Академия, 2015.
- Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006.
- Garrison M. The Franks as the New Israel? Education for an Identity from Pippin to Charlemagne // The Uses of the Past in the Early Middle Ages / ed. Y. Hen and M. Innes. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 114–161.
- Menache S. The Gelasian Theory from a communication perspective: development and decline // Revista de Historia. 2012. Vol. 13. P. 57–76.
- Otten W. The Texture of Tradition: The Role of the Church Fathers in Carolingian Theology // The Reception of the Church Fathers in the West: From the Carolingians to the Maurists / ed. by I. Backus. Leiden: Brill, 1997. Vol. 1. P. 3–50.
- Timmermann J. Sharers in the Contemplative Virtue: Julianus Pomerius's Carolingian Audience // A Journal of Medieval and Renaissance Studies. 2014. Vol. 45. P. 1–44.
- Veronese F. Jonas of Orléans // Great Christian Jurists and Legal Collections in the First Millennium / ed. by P. Reynolds. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 413–428.

Владимир Михайлович Тюленев